

Глава XI

*Расположение наше к зимованию в Петропавловской гавани. Строе-
ние юрт. Описание мест кругом гавани. Замечание о рыбной ловле
и разведении рогатого скота в Камчатке. О езде на собаках. Путь
в Большерецкий острог. Камчадальская пляска. Возвращение в га-
вань. Нынешнее состояние камчадалов.*

5 октября [1789 г.] вошли внутрь Петропавловской гавани и ошвартовили судно в северной ее части близ берега, против магазейнов, в которые сложили сухую провизию и некоторые припасы; между тем судно разоружили. Люди все перебрались на берег и поместились, довольно тесно, по обывательским квартирам. Г. Биллингс занял казенный дом, который сделан изрядно и довольно просторен. Капитан-лейтенант Галл, Баков и я стали поблизости в одном казачьем доме, который так был мал, что повешенные наши койки заняли большую его часть. Высота его соразмерна величине, и мы только что могли стоять свободно, не доставая головою до потолка. Г. доктор с штаб-лекарем стал подле нас, в другом доме; прочие расположились в домах, построенных на кошке.

Для облегчения обывателей в рассуждении постою и тесноты начали строить в северной части гавани большую юрту, сверх того баню и кузницу. Лес на строение доставали березовый, который один только здесь и есть; растет кругом гавани по косогорам и пологостям. Время способствовало нашей работе; она с успехом и скоро была кончена. До 1 ноября погода стояла хорошая и теплая; снегу не было нигде, кроме высоких гор, которые давно уже были им покрыты.

Хотя берега, лишеные оживляющей их зелени, и обнаженные от листьев деревья не представляли прелестей весны или лета, однако по косогорам сухие места, обросшие изредка кедровыми кустарниками и березником, казались нам приятны, и мы часто ходили туда прогуливаться. Но когда выпал снег, то лишились сего удовольствия. В сие время можно было хо-

дить только по тропинкам, проложенным жителями чрез косогор на кошку и по разлогу к северу до озера, лежащего от селения в 300 саженьях. По сей последней дороге, недалеко от селения, в правой стороне, на берегу текущего в гавань ручья погребены два знаменитые мужа, один близ другого: профессор Делиль де-ла-Кроер*, бывший в экспедиции командора Беринга астрономом, и начальствовавший над двумя английскими судами после смерти капитана Кука капитан Кларк. От вышеупомянутого озера хотя и можно в малую воду обходить кругом по подножию утесов гористый полуостров, закрывающий гавань с западной стороны (что сделает около двух верст), но как сия каменная дорога трудна и беспокойна, то мало по ней ходят, и то охотники, которые стреляют уток, называемых савки, и чаек. Тех и других во всю зиму водится на губе множество; они часто подплывают к самому берегу.

Некоторые слои в утесах сего полуострова состоят из сыпучей выветрившей зеленой яшмы, на коей видны изображения, представляющие подобие нарисованных кустов и деревьев. Там же находили в расселинах камней небольшими тонкими слоями амиант.

28 октября начальник при собрании всех нас объявил, что высочайшим указом, данным ему в С. Петербурге, с отправления нашего из Охотска в море, то есть 19 сентября, произведены гг. Галл, Беринг и я в капитаны 2 ранга, также и другие некоторые из бывших с нами повышены чинами, а прочим прибавлено жалованья.

С прибытия нашего свежей рыбы никакой уже не было, в начале ноября ловилось неводом в Петропавловской гавани довольно вахни¹. Сия рыба весьма похожа на пикшу как вкусом, так и видом, только неодинакой величины; иная с лишком длиною в фут, другая полфута; большая часть была с мелкою довольно вкусною икрою. Между вахнею попадали и сельди. Как мы, так и все здешние жители довольствовались ею с избытком до половины ноября, но после перестала она ловиться. Чрез то лишились мы свежей здоровой пищи и должны бы были приниматься за соленую, если б не убедили одного казака продать нам за 65 рублей небольшую корову, из которой хотя немного вышло мяса, но с бережливостию стало нам надолго. Во всей Петропавловской гавани была только сия корова да семь быков казенных, пригнанных из Верхне-Камчатского острога для экспедиции, назначенной из Кронштадта в здешние моря, под начальством капитана Муловского*.

Рогатый скот завезен сюда в Первую Камчатскую экспедицию, чему будет около 50 лет. Казалось бы, что чрез такое долгое время, если б приложено было хотя малое старание о разведении его, он должен бы довольно размножиться. Места

* Вахнею называется здесь род мелкой рыбы,

Камчадал на санках с упряжкой собак.

для скотоводства нельзя желать лучше, как на Камчатке: сенокосных лугов довольно, особливо близ Петропавловской гавани по рекам Аваче и Паратунке; а летом вообще пастбы везде изобильные; трава растет большая, сочная и питательная, от которой мясо у скотины бывает отменно хорошо — жир имеет вкусом приятный и много походит на мозг.

По наступлении зимы каждый из здешних жителей начал готовить свои санки и стал привязывать собак к столбам, чтоб чрез то сделать их способными к езде, а до сего времени бегали они по воле. Это обыкновенный экипаж здешних жителей. Каждый должен его иметь как для езды самому, так и для домашних потребностей. Мы также с г. Галлом завели свой. Сперва учились мы ездить на трех только собаках и поблизости, но после уже могли управлять довольно хорошо пятью собаками и смело пускались через горы до ближнего селения, отстоящего от Петропавловской гавани на 25 верст, называемого Паратунка.

Санки здешние совсем отменны от нарт, употребляемых в Охотске: первые гораздо последних короче, уже, легче и вдвое выше; сидеть на них можно только двоим, и то с нуждою; по высоте своей чрезвычайно валки. При спусках под гору и в раскатах должно с великою осторожностью и умением править ими посредством ног и оштола. В противном случае от неосторожности ушибиться можно до смерти об деревья, навислые к дороге, что нередко, как сказывают, случалось и с привыкшими ездоками. Собак в санки запрягают хотя не более пяти

или четырех, однако трудно их удержать, когда почувствуют по духу какого-нибудь зверя или когда спускаются под гору. Для останова их втыкают между передними копыльями оштол, который бороздит снег и одерживает санки; сверх того, передовую пару собак притягивают к санкам привязанным за их ошейники особливим ремнем, чтобы не могли лямками тянуть и мешали бы бежать коренной паре. Когда ж повстречается спуск под гору очень крут и опасен, то на полозья надевают из березовых ветвей сделанные кольца, которые служат вместо подрезей. При удерживании собак обыкновенно употребляют слова: «ко, ко, ко», а когда погоняют, то кричат: «а́х, а́х»; при поворотах вправо: «хна, хна, хна», а влево: «у́га, у́га, у́га». Охотник, будучи на промысле, не говорит и не кричит никогда, чтобы тем не испугать зверя; а при поворотах вправо стучит только потихоньку с правой стороны по полозу оштол; при повороте ж влево бьет наотмашь в ту сторону оштол по снегу. Впрочем, езда на собаках, кроме того, что сопряжена с опасностями, есть самая беспокойная и, можно сказать, настоящая собачья. Надобно беречься, чтобы собак не упустить. Когда случится опрокинуться и упасть, то никак не должно покидать из рук санок, как бы далеко ни тащили по снегу. Не удержаться ж и упустить собак, а самому итти несколько верст пешком почитается немалым бесчестием. Кроме того, собаки часто запутывают упряжку, и ездок должен на морозе голыми руками ее расправлять и пачкаться в их кале. Чтоб пошутить над едущим позади, стоит только бросить на дорогу кусок юколы: собаки бросятся за нею, перепутаются и станут грызться. Тогда седок должен с немалым трудом их разнимать и распутывать, а между тем непременно отстанет далеко от своих товарищей. Ехать назад невыгодно еще и потому, что полозья у санок мараются от собачьего калу, который, примерзая к ним, останавливает экипаж: надобно беспрестанно ножом очищать полозья. На ночлеге требуется особый присмотр за собаками. Когда выпрягут их из санок, то на тонких железных цепочках привязывают к столбам; кормят их вскоре после езды, но через несколько часов, когда на них обсохнет пот; дают им по одной или по половине юколы. Хозяин тут же должен быть с палкою и смотреть, чтобы при нем каждая собака свою часть съела и не отнимала у других.

Он также отгоняет и ворон, которые здесь очень нахальны: прилетают в великом множестве и у глупых собак отнимают корм.

В исходе ноября капитан Биллингс поехал в Большерецкий острог, взяв с собою капитана Галла, штаб-лекаря и шхипера Бакова.

В начале декабря морозы увеличились, и тогда покрылась льдом Петропавловская гавань.

В последних числах сего месяца по пригласительному письму капитана Биллингса г. Беринг и я отправились также в Большерецк на собаках. От Петропавловской гавани ехали мы сперва близ Авачинской губы, через невысокие горы, покрытые березовым лесом. Наверху одной из них видели ноздреватый горелый камень, величиною в окружности до 5 сажен. Казалось, что он выкинут из какой-нибудь огнедышащей горы.

Но как отсюда до ближней, Авачинской, будет около 40 верст, то невероятно, чтоб и при самом сильном ее возгорении толь огромный камень выбросило так далеко; скорее можно заключить, что извержение было прежде поблизости. Может статься, на месте Авачинской губы возвышалась когда-нибудь огнедышащая гора, которая по выгорении внутри обрушилась и образовала сию превосходную гавань: самые берега ее доказывают, что она произведена землетрясением.

В 7 верстах от Петропавловской гавани спустились мы с гор на низменные ровные места, продолжавшиеся 20 верст. На сем расстоянии переехали две реки — Авачу и Паратунку — и остановились в Паратунском камчадалском селении, находящемся на правом берегу сей последней, в 7 верстах от ее устья. Здесь есть деревянная церковь, сделанная из походной после Камчатской экспедиции командора Беринга.

От Паратунского острога¹ дорога лежала вверх подле реки Авачи. Сего дня видели мы по сторонам дороги в лесу, на снегу, следы соболей и лисиц, а по рекам выдр.

Здесьние соболи почитаются не из лучших в Сибири, напротив того, красные лисицы камчатские принадлежат к числу превосходнейших и покупаются довольно дорого по своей доброте и огненному цвету, по которому и называются огневками. Кроме сих зверей, по сказкам камчадалов, водятся в горах дикие бараны и олени, также есть медведи и волки. Последние опаснее первых и часто зимою нападают на проезжих. Напротив того, медведи здесьние так смирны, что боятся людей, и как скоро увидят человека, убегают.

В 33 верстах ночевали мы в Корякском острожке, названном так по первым жителям корякам, основавшим оный. Далее за сим селением места пошли несколько гористее. В 30 верстах от него в Начикинском остроге ночевали.

Отсюда в двух верстах, несколько в стороне от дороги, есть горячие ключи, называемые Начикинскими. Мы с Берингом ездили к оным. Вода в текущем из них ручье довольно горяча, хотя в то время и были жестокие морозы. Запах имеет она серный, а вкус горьковатый; положенные в нее монеты через несколько часов делаются как бы вылуженными и получают

¹ Здесь все селения называются острогами или уменьшительным именем острожками.

светлосерый цвет. Камчадалы в этом ручье часто моются вместо бани, и для того сделаны на нем два огороженные досками места — одно вверху ручья для зимы, другое для лета пониже первого. Мы хотели видеть самые ключи, но не могли близко подойти к ним, потому что земля вокруг самая вязкая и топкая.

От Начикинского селения отправились мы очень рано, еще до свету, чтоб успеть в один день доехать до Апачинского острожка, до коего считают от Начикинского 95 верст. Дорога лежала между высоких гор, которые идут грядою вдоль всей Камчатки посредине. От сего хребта к востоку горы продолжают до самого берега и кончатся утесами. Напротив того, западная сторона Камчатки низменная и болотистая. Апачинский острожек стоит по выезде из помянутых гор на реке, называемой Большая. От него до Большерецкого острога оставалось только 40 верст, которые по ровной и гладкой дороге мы переехали меньше, нежели в четыре часа.

Большерецкий острог стоит на берегу реки, называемой Большая. В нем церковь и до тридцати обывательских домов. Жители здешние по большей части казаки; купцов и мещан немного. Прежде учреждения в Нижне-Камчатском остроге города имел здесь пребывание главный начальник над Камчаткою. Теперь же управляет Большерецким острогом сержант. Казаки здешние зажиточнее петропавловских: все почти имеют скот и занимаются более домоводством. У них в огородах родится хорошая репа и картофель. Последний разведен еще недавно и привезен сюда бывшим камчатским начальником — надворным советником Рейникиным.

Платье все жители вообще носят в будни из оленьих кож, так, как камчадалы, — парки¹ и камлеи². Женщины ж в праздник все одеваются в шелковое платье, грезетовое или юстриновое, старинного покрою, какой в употреблении был за 60 лет прежде в России; на головах носят платки шелковые барсовые.

В это время, как были святки, то жители часто собирались на вечеринки, и женщины плясали по-русски хорошо. Но удивились мы, как увидели, что танцевали польский и а-ла-грек довольно правильно. Музыку составляли трое скрипачей из казаков.

Камчадалская пляска здесь не в употреблении. Напротив того, в Петропавловской гавани по большей части казачки ею забавляются. Она столь неблагопристойна, что всякая скромная женщина не только плясать, но постыдится и смотреть на эту пляску. Начинает ее сперва одна женщина: имея в руках платок, растянутый наконцы, выходит на середину избы и,

¹ Парками называется здесь платье, сшитое из оленьих кож, покроем похожее на рубашку.

² Камлеи похожи на парки, только шьются из кож без шерсти, выделанных мягко.

переступая тихо, делает движение руками, всем корпусом и головою, которая кажется движущеюся с одного плеча на другое, а иногда качается взад и вперед. Между тем плясунья подходит к мужчине и ломается перед ним: сие значит, что она вызывает его с собою плясать. Он берет таким же образом, как и она, свой платок и выходит к ней. Тогда один к другому с сильным движением всеми членами приближаются. Женщина временем отворачивается от мужчины, но опять скоро к нему поворачивается; наконец, опускается понемногу на колени и ложится навзничь, не оставляя прежних движений. Тогда и мужчина становится также на колени и, наклоняясь над нею, делает любострастные движения, и сим последним действием кончится пляска. Во все продолжение ее как плясуны, так и все зрители поют песню, состоящую в повторении двух только слов: ан-келле, ан-кагет. Кроме сей песни, есть много других, столь же коротких, под звук которых пляшут подобно как под звук первой. Некоторые пляски состоят у них в передразнивании зверей и птиц: например, мужчина представляет медведя, а женщина медведицу. Иногда выходят плясать вдруг многие, и скачут подобно куропаткам, или ходят как гуси, стараясь подражать, сколько можно, сим птицам.

В Большерецком остроге пробыли мы две недели. После чего капитан Биллингс и г. Галл отправились в Нижне-Камчатск, а я с г. Берингом поехал назад по прежней дороге в Петропавловскую гавань, куда прибыли мы чрез пять дней.

Во время пути нашего как в Большерецк, так и обратно, камчадалы в селениях своих принимали нас ласково и угощали с усердием. Иногда получали мы от них куропаток, свежую рыбу — мальму, называемую здесь гольцами, мерзлую кету, юколу, ягоды и корни некоторых трав, доставаемые ими в немалом количестве из мышачьих нор и составляющие значительную часть их съестных припасов.

Для собирания сих корней ходят нарочно осенью по полям, стучат чем-нибудь в землю, и где по звуку услышат пустоту, в том месте роют и находят магазейны сих животных. Запасу всего не берут, а оставляют на пропитание мышам третью часть, вероятно, чтоб чрез то не отогнать сих полезных для них тварей.

Камчадалы сказывали, что мышь, у которой не оставят ничего, непременно из отчаяния удавится на дереве. К сплетению такой басни подала повод, может быть, одна какая-нибудь мышь, случайно увязшая между сучьев.

Сравнивая нынешнее состояние камчадалов и образ их жизни с описанием г. Крашенинникова, нашли мы великую перемену. Камчадалы вообще оставили уже прежние суеверные свои обряды и все почти окрещены. Юрт их или землянок ни-

где не видно, а вместо того построены везде русские избы¹. Камчадалки стали одеваться по праздникам большею частию так, как казачки: носят душегрейки и юбки, а на голову повязывают платки. Впрочем, камчадалы столь же ленивы, как были и прежде; изобилие рыбы, которая ловится без дальнего труда, и привычка к ней есть причиною, что они не стараются о разведении скота и хлебопашества. Всего удивительнее, что чрез такое долговременное обращение с россиянами не сделались они ни осторожнее, ни умнее, ибо и ныне легко отдают купцам за безделицу соболей и лисиц. С сею простотою сохранили и хорошие свои свойства: они также добродушны, искренни, миролюбивы, услужливы и гостеприимны, как были и прежде. Пороки в них приметны только леность и неопрятность. Воровство очень редко между ими случается и тем реже еще смертоубийство. Некоторые путешественники приписывают им порок пьянства. Но я не могу утвердить этого, ибо не должно делать заключения обо всех по некоторым только камчадалам, пристрастным к вину.

Камчадалы хотя и оставили многие из прежних своих суеверных обрядов, однако и теперь не менее верят шаманам и мнимым делаемым от них чудесам. Один казак, зная их легковерие, выдал себя за шамана и забавною выдумкою изобличил вора. Это случилось, когда он был в дороге с несколькими камчадалами, из коих один украл у него табак. Казак спрашивал всех по одиночке, но никто в воровстве не признавался. Тогда, для найденія пропажи, употребил он следующее средство. Наломал несколько равной величины лучинок и дал каждому камчадалу по одной с надежным уверением, что у вора через ночь к другому дню силою шаманства данная лучинка непременно вырастет и будет длиннее всех прочих. Тот, кто украл, всю ночь беспокоился и часто смотрел не прибывает ли его лучинка, а как от сильного предубеждения и воображения казалось ему, что будто и действительно лучинка становится длиннее, то отламывал от нее понемногу, чтоб сделать не так длиною. На другой день, когда все камчадалы принесли к казаку свои лучинки, он легко узнал вора. Уличенный камчадал сам после признался и отдал украденное, извиняясь притом, что, издержав свой табак, без которого он жить не может, и не имея денег, на что его купить, принужден был украсть.

В сие время табак на Камчатке чрезвычайно был дорог: один фунт его в розницу продавался по 100 рублей. Несмотря на то, здешние жители покупали и, чтоб только его иметь, отдавали последнее. Обыкновенная же цена табаку во время привозу от полутора до двух рублей. Вообще для торгующих здесь купцов нет выгоднее товара, как табак: сколько бы его ни было привезено, скоро раскупят и с великою прибылью,

¹ Балаганы ж остались в употреблении попрежнему.

ибо все здешние народы, кои только имеют сношение с русскими, курят его, нюхают или кладут за губы и, следовательно, табаку расходуется ежегодно чрезвычайное множество. Буряты, якуты, коряки, юкагиры и чукчи любят табак самый крепкий, черкасский; того ж, который разводится в окрестностях Иркутска, не берут. Курят его пополам с мелкими древесными стружками. Камчадалы и алеуты не курят, а нюхают и кладут за губы.

